

© 2003 г. Г.А. БОГАТОВА

ИСТОРИЧЕСКАЯ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: МЫСЛИ ЛЕКСИКОГРАФА О ЖАНРЕ

Я коснусь здесь двух ранних статей Олега Николаевича по исторической и этимологической лексикографии (им четверть века) и последней – "Столетие", остающейся пока в рукописи.

"О XX веке будут напоминать не только две мировые войны, – писал О.Н. Трубачев, – но и замечательные культурные события, к которым хочется отнести также двенадцать международных съездов славистов, начиная с Первого, проходившего в 1929 г. в Праге, по XII... в Кракове... Именно съезды славистов повернули стрелку славистического компаса в сторону словаря и слова" [Трубачев 1988: 4, 7].

В XX в. в славянской лексикографии начали активно работать этимологи и историки языка А. Преображенский, Э. Бернекер (*Slavisches etymologisches Wörterbuch*, 1924), Ст. Урбанчик (*Słownik staropolski*, 1930–40 гг.), Х. Шустер-Шевц (*Historisch etymologisches Wörterbuch der ober-und niedersorbischen Sprachen*, с 1982), М. Фасмер (*Etymologisches russisches Wörterbuch*, с 1950; *Этимологический словарь русского языка с дополнениями* О.Н.Трубачева, с 1964), Л. Садник и Р. Айтцетмюллер (*Vergleichender Wörterbuch der Slavischen Sprachen*, 1963), В.Махек (*Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*, 1957), П.Скок (*Etymologijski rječnik Hrvatskoga ili Srpskoga jezika*, 1971) и др. Стали выходить украинские (А.С. Мельничук, Л.Л. Гумецкая, Д.Г. Гринчишин), появились белорусские этимологические и исторические словари (А.А. Журавский, В.В. Мартынов) и др.

В России, как пишет О.Н. Трубачев, сложилась многокорпусная традиция фундаментальных словарей исторического цикла (раздельно этимологические, исторические, диалектные). Выпускались они почти в одно время Ф.П. Филиным, Ф.П. Сороколетовым, О.Н. Трубачевым, Ю.С. Сорокиным, Л.Л. Кутиной, С.Г. Бархударовым, Д.Н. Шмелевым, Г.А. Богатовой и др. И Олег Николаевич Трубачев, как глава Московской этимологической школы (по словам В.Н. Топорова), всегда признавался нами старшим в суждениях о возможностях словарного жанра в воссоздании истории слова.

В последние годы Олега Николаевича часто занимала мысль об особенностях личности лексикографа, его месте и роли в развитии жанров лексикографии.

В ноябре 2001 г. в статье "Столетие", посвященной юбилею Василия Ивановича Абаева, Олег Николаевич размышлял о личности и роли ученого-лексикографа: «Сила суждений Абаева – в полной независимости от каких-либо течений и коллективных предпочтений, а это встречается не так уже часто в наше время. Галльская прозрачная изящность речи, в соединении с возвышенной мудростью, эта понятная всем глубина, которая порой шокирует приверженцев темного плетения словес, эта манера говорить и писать, которую можно назвать суверенной, это качество, которое можно выразить лишь библейскими словами – "он говорил как власть имущий", – он, Василий Иванович Абаев, никогда в этой жизни не занимавший "постов". Мы убеждаемся, что перед нами властитель дум». И таким виделся Олегу Николаевичу лексикограф XX века.

Как и Василий Иванович, Олег Николаевич всегда был моложав, подтянут, строг, немногословен, обязателен; казалось, что этот внешний эталон академичности вечен. Характер эталонности носило и все, что выходило из-под его пера: не приходится говорить о монографиях и словарных статьях, но даже рецензии как внешние, так и внутренние, не для печати, были законченны, компактны, всегда изящны.

Он был патриотичен и тверд в своих убеждениях, занятых позициях, в сложнейших ситуациях никогда не терял нить мысли. Особое впечатление по компактности и умению обобщить обозначенный материал оставляли круглые столы, которые он вел на съездах славистов.

Он любил чистоту во всем – от напитков (из коктейлей – только "Каберне" с соком, а так предпочитал чистые сухие вина) до постановки и разрешения вопросов.

Его редкие лекции в России и за рубежом, выступления на конференциях, в обсуждениях выслушивались аудиторией с глубочайшим вниманием и запоминались надолго. При внешней суровости он был трогательно чист и верен в дружбе. Он не любил должности и посты, все знают, как он до последнего сопротивлялся директорству. Но когда безвременно ушел из жизни его ближайший друг Никита Ильич Толстой, он безропотно принял на себя почти все его нелегкие обязанности. Такая же верность и нежность всегда связывала его с Владимиром Николаевичем Топоровым, даже если с ним самим бывали суровы и его ближайшие друзья. Он любил чистоту в жизни и в работе. И его статья – "Историческая и этимологическая лексикография" [Трубачев 1984] – статья о чистоте жанров.

В 1973 г. при Международном комитете славистов была создана Комиссия по лексикологии и лексикографии. Ее первым председателем был Ш. Пециар (Словакия), вторым – в течение 18 лет – Х. Шустер-Шевц. В Комиссии работали почти все редакторы исторических и этимологических словарей. Незадолго до создания Комиссии, в 1971 г., прошел Круглый стол по большим европейским историческим словарям во Флоренции, где о трактовке воссоздания истории слова говорили довольно много и историки, и этимологи. Славяне не были приглашены на это совещание, но обсуждение поднятых вопросов продолжалось и на конференциях в славянских странах и на заседаниях Лексикографической комиссии после публикации флорентийских материалов в 1973 г. В этот период О.Н. Трубачев исходит из положения, что "именно этимология наиболее полно выражает идею историзма", и эту свою точку зрения считает необходимым объяснить подробнее... «поскольку есть тенденция со стороны последней (исторической лексикографии. – Г.Б.) поглотить этимологическую лексикографию. На международном симпозиуме под названием "Круглый стол, посвященный большим европейским историческим словарям", в таком духе высказался нидерландский лексикограф Ф. Толленаре (F. de Tollenaere). Он полагал, что прежняя функция этимологии – доистория слова и сравнительно-историческая фонетика – сменяется новой функцией – биографией слова, после чего цели этимологического и исторического словарей совпадают» [Трубачев 1984: 24, 25]. В это время коллектив этимологов, собранный Олегом Николаевичем, уже приступил к комплектованию материалов картотеки для начала словаря. У Трубачева было свое видение возможностей этимологии и реконструкции истории слова. В 1976 г. он отмечал, что "никакая другая лингвистическая дисциплина не собирает такую полноту информации о значении слова, как этимология, объединяющая в целях своего исследования современные данные, письменную историю, дописьменную реконструкцию и семантическую типологию" [Трубачев 1976: 148].

В 1974 г. вышел первый том ЭССЯ (А–В), реконструирующий праславянский лексический фонд, а в 1975 – первая публикация под названием "Историческая и этимологическая лексикография. Праславянская лексика на *d*- начальное". Она появилась в материалах конференции "Проблемы славянской исторической лексикографии" [Трубачев 1975: 13–19]. Уже в этих тезисах, развернутых потом в статью, звучит некото-

рое раздражение автора против смещения задач жанров и методики: "Ошибочно думать, что единственная сфера реконструкции – дописьменный период, самая богатая письменная история (романские языки) не исключает реконструкцию, не может ее заменить и далеко не всегда облегчает ее. В принципе уместно использование реконструкции при изучении современного словообразования и жизни слов. Поэтому, наверное, провозглашаемое отдельными лингвистами (Ф. Славский, Ф. Толленаре) положение, согласно которому идеал этимологического словаря есть исторический словарь, нельзя принять" [Трубачев 1975: 14].

Это был период, когда исторические словари заняли стартовые площадки почти вплотную к этимологическим. Вырабатывалось само построение словарной статьи. В тех же тезисах Олег Николаевич пишет: "Полемизирую с Л. Садник и Р. Айтцетмюллером, словарь которых принципиально задуман как безбрежный поток материала в виде аморфных статей-гнезд. Мы исходим из принципа, что расположение материала есть уже половина методологии" [Там же: 18].

В эти годы и мною была задумана книга "История слова как объект русской исторической лексикографии" [Богатова 1985] (не без некоторого сопротивления Олега Николаевича). В книге я много внимания уделяю построению словарной статьи, определению типа словаря – диахронического типа, с широкими хронологическими рамками – "Словаря русского языка XI–XVII вв." (СлРЯ), в отличие от словарей отдельных периодов – СлРЯ XVIII в. и Словаря древнерусского языка XI–XIV вв. По моим соображениям, ввиду разнокорпусности словарей исторического цикла да еще одновременно издаваемых, история слова (не только из праславянского фонда) может быть сложена по всем этим словарям с разной мерой глубины и подробности.

В 1985 г. два московских фундаментальных словаря – "Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд" (под ред. О.Н. Трубачева) и "Словарь русского языка XI–XVII вв." (гл. ред. Г. Бархударов, ред. Г.А. Богатова: тт. 1–7; гл. ред. Ф.П. Филин, ред. Г.А. Богатова: тт. 8–10) – подводили итоги десятилетия изданий, и вопрос о канонах жанра – а речь шла о словарях исторического цикла: собственно исторических, этимологических и фундаментальных диалектных типа СРНГ – неизбежно выплеснулся на страницы печати и на трибуны Международного симпозиума по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии (1985). Десятилетие издания само по себе заставляло "остановиться, оглянуться": начало издания совпало со статьей Ю.С. Сорокина "Что такое исторический словарь?", с его постулатом о том, что историческим делает словарь не материал памятников письменности далеких эпох, а подход к его подаче, ибо историческим в принципе может быть и словарь современного русского языка. Понятия "историзм" и "хронизм" в этой дискуссии уже четко разграничились, и эти положения отчасти нашли отражение в моей книге [Богатова 1985: 85–86]. И все же Олега Николаевича не удовлетворяло, казалось, само понимание истории слова, исходящее только из задач того или иного жанра лексикографии. Подлинную историю, как он считал, может давать в конечном счете только этимология. Даже эпиграф к его статье гласил: "Древняя культура влияет на современную через посредство неразрывной цепи традиций, лишь последняя часть которой является письменной традицией" (Джон Бернал).

Далее Трубачев предпринимает широкий обзор историко-этимологических словарей: Эрну – Мейе "Этимологический словарь латинского языка", П. Шантрена "Этимологический словарь греческого языка", – где, казалось бы, письменная история слова простиралась на 40 веков. Однако "история слова не только начинается до первых собственно греческих письменных текстов, но и завершается во всем существующем до их появления" [Трубачев 1984: 28–29]. Шантрена провозглашает в предисловии: "Этимология должна была бы быть полной историей словаря в его структуре и эволюции" (цит. по [Трубачев 1984: 27]). О.Н. Трубачев считал, что на долю

письменной истории в большинстве случаев приходится период относительного покоя; он пишет: «Может быть, такой ход мыслей устраивает людей, которые по каким-то причинам тяготеют занятиями этимологией. Нам больше импонируют слова О. Семереньи о том, что "вся история немецкого слова *Messer* перевешивается глубиной проникновения и удовлетворением, получаемым от знания того, что оно происходит из *mezzi-gahs* – (каменный резак)"» [Трубачев 1984: 23]. Анализ взглядов и возможностей И. Срезневского, В. Абаева, Л. Щербы, В. Виноградова, И. Немца, И. Мистрика говорит о разработке канонов жанра, о необходимости спокойно взглянуть на проблемы чистоты жанров: "Вообще насыщение исторического словаря сравнениями с диалектными и иноязычными данными, а также сведениями по этимологии, способно лишь взорвать изнутри исторический словарь как таковой и поэтому нежелательно", – писал Олег Николаевич. В течение 10 лет он был членом редколлегии нашего СлРЯ XI–XVII вв., а его сотрудники – частыми посетителями КДРС. Структура нашего словаря совершенствовалась рядом с ним. Рядом были и наши письменные столы. Наши споры с ним начали стихать, и мы многое учли по части чистоты жанра. Историческая лексикография как жанр заняла свою нишу (не только у нас, но и в других странах). И в такой форме это было принято им. "При всей относительности письменной фиксации, ее кодифицирование и адекватная интерпретация в филологических словарях документальной истории (исторических словарях) – дело огромной не только научной, но и общекультурной важности. История слова невозможна без исторического словаря так же, как невозможна без него этимология", – заканчивает он [Там же: 35]. Последний вывод имел большой положительный резонанс.

На Международной конференции "Современная русистика на пороге XXI века" (7–11 июня 2002 г.) в секции "Историческая и этимологическая лексикография и историко-лексикографические исследования" возврат к этой теме имел и мемориальный характер. Поневоле вспомнился тот Первый симпозиум 1985 г., который запечатлен на фотографии, публикуемой здесь. Жаркий конец мая. У Дома ученых цветет сирень. Все еще живы и полны сил. На переднем плане стоит весь цвет славянской лексикографии и палеославистики. В самом деле, в конференции принимали участие В. Журавлев, С.М.Толстая, Василий Нимчук (Украина), Игорь Немец (ЧССР), Ш. Ондруш (Словакия), Веслав Борысь (Польша), Анастасия Петровна Евгеньева, Жанна Жанновна Варбот, Лидия Петровна Жуковская, Любовь Викторовна Куркина, Михаил Мурьянов, Виктор Дерягин, Геннадий Одинцов. Многих из них уже нет.

В центре фотографии стоит Олег Николаевич Трубачев и рядом его сотоварищ и давний коллега Хайнц Шустер-Шевц. В этом году 9 марта остановилось перо Олега Николаевича Трубачева на восьмой странице перевода статьи своего друга Шустер-Шевца для "Вопросов языкознания" (она печатается в этом номере).

В последний месяц своей жизни Олег Николаевич подготовил статью "Опыт ЭССЯ за 30 лет", которая в значительной мере содержит тоже материал о чистоте жанра, его возможностях и тонкостях. Сегодня его уже можно назвать текстом-завещанием. Алфавитно написана половина словаря (до буквы "О" включительно). Но словарь как тип уже состоялся, структурно он закончен. Словарь русского языка XI–XVII веков также прошел более 2/3 пути (до буквы "С"). Впереди у этих словарей еще большая работа, и каждая потеря ощутима.

В уже цитировавшемся тексте, под названием "Столетие", Олег Николаевич дает оценку пути славянской лексикографии, позволю себе в заключение еще раз процитировать его слова из этой рукописи:

«Недавно я решил нелегкую для себя задачу – определить реальное место лингвистической географии в нашей науке. И, просматривая упомянутый том трудов Абаева,

*Участники Международного симпозиума по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии.
Москва, май 1985 г.*

встретил там лаконичную оценку скромных потенций учености начала века, в которые (потенции) у нас, в сущности, все упирается до сих пор, уже на исходе этого века: "Много ли мы знали, например, в начале нашего века о субстратной и ареальной лингвистике" (В.И. Абаев. Избранные труды, т. II, с. 115). – Вопрос, заключающий в себе ответ: ясно, что знали весьма немного. Жаль, что это состояние знаний сохранялось потом так долго; как говорится, стабильность достойная лучшего применения» ... «В случае со славянским дело обстояло так: еще до того, как появились этимологические словари отдельных славянских языков, заслуживающие свое название, началась публикация этимологических словарей (всех) славянских языков. За дело взялись выдающиеся личности, и эти труды не утратили своего значения по сей день: этимологические словари Ф. Миклошича (1886 г.) и Э. Бернекера (самое начало XX века). Для нас сейчас в общем ясно, как эволюционировала и вызревала научная мысль: это были не праславянские словари (понятие "праславянского" конципировалось позже), а скорее *общеславянские* словари, где было по возможности все (старое и новое) и практически отсутствовала стратификация словаря. Такой лингвист, как А. Мейе, выступивший в качестве рецензента словаря Бернекера, сказал, что общеславянские словари вроде Бернекера не могут заменить собой этимологических словарей отдельных славянских языков, напротив, они делают насущным и желательным их появление. Верность этого суждения полностью подтвердилась в последующие десятилетия. Один за другим, начиная с 20-х годов, а затем – с паузой во II Мировую войну и послевоенные годы, – выходят польский, болгарский, чешский, сербохорватский, русский, словенский, верхне- и нижнелужицкий, полабский, украинский, белорусский, старославянский этимологические словари. Некоторые из них еще не окончены, зато, с другой стороны, отдельные славянские языки к настоящему времени насчитывают по несколько этимологических словарей. Продвинутость славистики в области этимологической лексикографии выразилась, далее, думается, и в том, что проявился как бы "возврат" к планам и проектам в масштабах всего славянского. В действительности же речь идет о праславянском этапе существования всего словарного состава славянских языков и диалектов, с допущением древнего диалектного, сложного многообразия этого словарного состава, или лексического фонда, о путях его реконструкции. Ненадуманная сложность и – даже порой кажется – трудноосуществимость этих задач не останавливала исследователей. Тот факт, наконец, что над этим всерьез задумались – независимо и одновременно – в разных научных центрах, говорит достаточно сам за себя. Объективный крен, тенденция к тому, чтобы видеть в давнем, письменно не засвидетельствованном праязыке, в данном случае праславянском, аналог живому языку, влекли за собой необходимость признать за праязыком наличие и других параметров живого языка. Некоторые исследователи при этом сразу брались за реконструкцию праславянского текста, но, если не пренебрегать промежуточными этапами, необходимо, как минимум, признать актуальность реконструкции слова, целой лексемы. Эпоха корневой реконструкции, корневой этимологии, корневой этимологической лексикографии в этой области языкознания прошла. Все эти, бегло перечисленные, наработки, как иногда сейчас выражаются, доступно квалифицировать как прорыв, как первый в науке опыт праязыковой лексикографии вообще, хотя глядя на вещи как бы изнутри, трезво понимаешь и сознаешь, как все это трудно и необъятно сложно, сравнительно с корневым методом. Но назад пути нет. Такова картина в славистике».

На этом мы предпочтем остановиться. Если "Столетие" будет где-то напечатано, мы будем иметь удовольствие прочесть обзор истории иранской лексикографии и ее пути к праиранской фазе развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богатова Г А* 1985 – История слова как объект русской исторической лексикографии М , 1985
- Трубачев О Н* 1975 – Историческая и этимологическая лексикография Праславянская лексика на *d*- начальное // Тез докладов Всесоюзной конференции “Проблемы славянской исторической лексикографии” Вып 3 М , 1975
- Трубачев О Н* 1976 – Принципы и методы семантических исследований // Исследования по исторической семаσιологии М , 1976
- Трубачев О Н* 1984 – Историческая и этимологическая лексикография // Теория и практика русской исторической лексикографии М , 1984
- Трубачев О Н* 1988 – Славянская филология и сравнительность От съезда к съезду // ФН 1988 № 3